

Т.К. Щеглова

Алтайский государственный педагогический университет
ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031, РФ
E-mail: tk_altai@mail.ru

ПРИНИМАЮЩИЙ АЛТАЙСКИЙ СОЦИУМ И ДЕПОРТИРОВАННЫЕ АРМЯНЕ В КОНТЕКСТЕ ПЕРМАНЕНТНЫХ РЕПРЕССИЙ И ДЕПОРТАЦИЙ 1930–1940-х гг.: ОБРАЗЫ И КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ¹

Целью статьи является изучение на примере армянской депортации 1949 г. влияния этнических депортаций на сельское население Алтайского края с использованием устной истории как метода и источника этнографических исследований. Утверждается, что изучение народов и культур в контексте глобальных исторических процессов XX–XXI столетий требует новых подходов. Одним из способов изучения их антропологического содержания являются технологии устной истории по работе с исторической памятью. Основными источниками статьи являются материалы полевых исследований на территории Алтая. В центре изучения находится принимающее, преимущественно русское, население в контексте перманентных этнических депортаций 1940-х гг. Отмечается, что за короткое время население алтайской деревни стало полиэтничным, что было связано с расселением депортированных народов семьями и малыми группами по всей территории региона. Это привело к совместному проживанию и преодолению трудностей военных лет с опорой на культуру жизнеобеспечения. В статье сравнивается восприятие местными жителями этнических мигрантов разных волн (немцев, армян, молдован, поляков и др.), анализируются сформировавшиеся образы и межэтнические взаимоотношения. Выявляется стремление депортантов к консолидации с освоением окраин поселений и сохранением песенных, танцевальных, праздничных традиций. Делается вывод о влиянии депортантов на принимающий социум, описываются изменения, происходящие в культурно-бытовой и производственной сфере алтайской деревни. Отмечено, что культурный обмен в трудных условиях жизнедеятельности произошел в первую очередь в материальной сфере и был связан с такими базовыми компонентами культуры жизнеобеспечения, как жилище и пища. В результате этнокультурные навыки этнических депортантов способствовали становлению межэтнического согласия.

Ключевые слова: устная история, Алтай, депортированные народы, русское сельское население, межкультурное взаимодействие, этнокультурное влияние.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-137-145

Исторические события XX в. обусловили активное взаимодействие народов на всей территории России. Для Алтайского края одним из таких событий были этнические ссылки и депортации 1930–1940-х гг. Они привели к увеличению населения края за счет этнических ссыльных с 15 тыс. чел. в 1939 г. до 138,5 тыс. чел. в 1953 г. [Аблажей, 2011а, с. 48]. Только с 11 по 30 сентября 1941 г. на его территорию прибыло на 14 станций 34 эшелона с депортированными немцами в количестве 80 454 чел., которые были расселены по 47 районам. Общая численность депортированных в регион немцев составила от 100 303 [Ремпель, 1996, с. 74] до 115 000 чел. [Сыщенко, 2007, с. 6]. В 1943–1944 гг. на Алтае расселили 20 858 калмыков (из 91 919 чел.). В составе принудительных выселений как «потенциальные пособники фашизма» на Алтае оказались поволжские и ростовские немцы, крымские татары, чеченцы, калмыки и ингуши, карачаевцы; как «представители» государств, воевавших против СССР, — этнические болгары, венгры, румыны, финны и др.

Дисперсное расселение депортантов привело к тому, что за предельно короткий промежуток времени территория Алтая стала районом этнически пестрого заселения. Об этом свидетельствуют материалы устной истории: «Да, много было. Че тут только не было!? Тут полно было всяких наций. И калмыки, и немцы. Всякие нации были. А потом все по своим местам уехали, когда освободили их» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ, Кузовлева О.Е., 1919 г.р.]. Респонденты пытаются вспомнить всех, кого подсаляли в село: «Здесь были и немцы. И до сих пор они есть. Прям уж и в нашей родне немцы появились. И татары, и вот даже кореец есть, и украин-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанных РФГФ научных проектов № 16-21-200001 и № 15-31-01019.

цы. Да кого только не было!? Ведь вот в сталинские времена... Чеченцы, они тоже выселялись здесь. Чечены, армяне, калмыки...» [Там же, Епихин И.П., 1927 г.р.].

Локализация проблемы депортаций и репрессий показала усложнение этнического, профессионального, этнокультурного и социального (лишенцы, враги народа и т.д.) состава сельских сообществ [Щеглова, 2015, с. 46–50]. Но история насильственных переселений рассматривается изолированно от проблем их воздействия на принимающий социум. Исследования сосредоточены на вопросах условий доставки депортированных в места ссылки, попрания гражданских и политических прав [Бугай, 1996; Бруль, 1999; Полян, 2001].

Изменения в обществе алтайской деревни, ставшей местом встречи разных культур, мало подвергались научному анализу. Не рассматривались вопросы включения этнических мигрантов в жизнь деревенского социума, еще меньше — восприятие и поведение принимающего общества. Назрела необходимость исследовать адаптацию и тех, и других в период массовых этнических репрессий, этнокультурное взаимодействие и взаимовлияние.

Целью данного исследования являются этнокультурные аспекты депортации армян 1949 г. в сравнении с предыдущими волнами этнических депортаций и социокультурные изменения в алтайском, преимущественно русском старожильческом, обществе. Армянская депортация не может рассматриваться изолированно. К ее моменту был накоплен значительный опыт межэтнического взаимодействия. Восприятие депортантов в образе врагов под влиянием агрессивной государственной политики в начале войны осталось в прошлом. Кроме того, послевоенные репрессии охватили не только другие народы, которые были на оккупированной территории, но и русских, прошедших военный плен или оккупацию. Этот фактор менял отношение к депортациям. Положительную роль в отношении к армянам сыграли и непонятные для сельского населения Алтая аргументы их депортации — дашнаки, партийно-идеологическая борьба. Они не входили в группу значимых для сельского населения. Респонденты быстро находят объяснение причин появления на Алтае в начале войны немцев и совершенно теряются в объяснении депортации армян. «Ведь эти армяне, они не все занимались при оккупации. Ну всех их, подозрительных, выслали сюда. Они здесь лет пять-шесть пожилы... Да, в нашем отделении семей, наверное, десять было армян, и только двое умерли своей смертью. А эти все уехали домой, все живы и здоровы» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ, Епихин И.П., 1927 г.р.].

Для анализа этнокультурных аспектов недостает источников о жизни депортированных в сельском русском сообществе, об их отношениях друг к другу. С такими проблемами часто сталкиваются исследователи и в отечественной, и зарубежной практике. Источниковый голод испытывается особенно по тем темам, которые в тоталитарных государствах находились в зоне умолчания. С целью его ликвидации родилась «устная история» в странах послевоенной Западной Европы, получив название «истории снизу», в отличие от «истории сверху» [Щеглова, 2014, с. 212–220]. Если в США устная история рождалась как отрасль архивного дела (элитарное направление), то в Западной Европе она изначально стала развиваться в русле послевоенных социальных движений для введения в историческое повествование «немолчащих» участников драматических событий XX столетия. Лидерами демократического направления устной истории стали исследователи Великобритании (интерес к «лондонской бедноте», колониальная этнография и др.). Они сформировали принципы введения в историю этнических, социальных групп, локальных сообществ с позиции их культурного содержания.

В последнее время появились отечественные работы по использованию методов и источников устной истории в этнографических исследованиях. Исследователи стали чаще обращаться к индивидуальной и коллективной исторической памяти прямых очевидцев и участников событий XX столетия, вводятся понятия «нарративы», «эгоистория» и т.д. Об этом говорит и интерес к одноименной секции на конгрессах антропологов и этнографов России с 2001 г. [V конгресс..., 2003; VIII конгресс..., 2009; XI конгресс..., 2015]. Одной из главных обсуждаемых на ней проблем являются состояние и развитие традиционных культур и этнические процессы в контексте исторических событий XX в.

В данной публикации используется архив Центра устной истории и этнографии АлтГПУ. Одним из его проектов является программа «Депортации народов и репрессии на Алтае» [Щеглова, Демин, 1992, с. 119–120]. Устный архив формировался в историко-этнографических экспедициях с 1991 г. Он содержит материалы интервью по устной истории и этнографии народов Алтайского края более 600 сел.

Принимающий алтайский социум и депортированные армяне...

Использование устной истории для изучения этнокультурных аспектов депортаций диктуется тем, что депортации 1940-х гг. стали частью жизни сибирского сельского общества. В отличие от репрессий 1930-х гг. с их закрытой системой лагерей, депортантов расселяли в среде местного населения. Сформировавшаяся память об этих событиях хранится не только депортантами, в большинстве своем покинувшими Алтай, но дающими интервью и пишущими воспоминания, но и алтайским населением — участниками совместного проживания. В отличие от депортантов, это «немотствующее» сельское население в силу разных причин не оставляет свои воспоминания о том, как это было. Между тем депортации смоделировали взаимодействие народов в границах одного социума. Эти факторы создали благоприятную среду для изучения этничности, идентичности, характера этнических процессов через изучение исторической памяти, образы и представления, межкультурный обмен.

Корпус документированных интервью устного архива АлтГПУ по этой проблеме содержит оценки двух групп — этнических депортантов, размещавшихся на Алтае, и жителей алтайской деревни, принимавших депортантов. Их отличает восприятие происшедшего в ракурсе «свой» — «чужие», диалог при антитезе «мы» и «они». В этом отношении благодаря глубокому личному контексту устная история является альтернативой официальной истории. И эта другая, неофициальная история через призму семейной истории и жизненного опыта показывает, насколько сложно, а порой и драматично складывались отношения местных и пришлых, какую они прошли эволюцию и какие факторы влияли на них. Это демонстрирует разный опыт межэтнического диалога с армянами и немцами.

Депортация немцев проходила в контексте политики противопоставления народов, формирования образа врага и сложных эмоциональных чувств со стороны несправедливо обвиненных депортантов, с одной стороны, и раненных войной и похоронками местных жителей — с другой. Респонденты из депортированных немцев так оценивали это: «Они плохо относились к нам, они кричали: “Вы гитлеровцы”, “Вы тоже из немцев”. Старые люди говорили, что есть немцы в России, которые выросли здесь. Они не знали, что мы выросли в России» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ, Функлер А.А., 1916 г.р.]; местные старожилы считали: «Отношение местного населения к немцам недоверчивое, порой и ненависть» [Там же, Дробышев Я.В., 1922 г.р.].

Но к середине войны межэтническое напряжение и согласие уравнились, а формирование этнических стереотипов и мифологем у сельского населения Алтая перешло из области идеологизированного и политизированного агитпропа в область культурно-бытовых представлений [Щеглова, 2012]. Определенную роль в эволюции отношений депортированных немцев и русских старожилых сыграло сочувствие к положению выдворенных в короткий промежуток времени немцев. Старожилы говорили: «Мужиков забрали [в трудармию], а жен с ребятами сюда... Матери пришли нагишом, разутые, раздетые с кучами детей» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ, Емельянова Н.Ф., 1927 г.р., Золотухина П.Д., 1919 г.р.]. Позже на первое место в отношениях вышел совместный труд, который перемолол все отрицательные чувства. Как говорили местные респонденты, «в войну к нам приезжали литовцы, немцы, поляки. Работали хорошо. Особенно немцы. Работали свинарками, скотниками» [Там же, Ануфриев И.С., 1923 г.р.]. Закрепился перелом в отношениях между «непрощенными гостями» и «вынужденными хозяевами» совместной повседневной борьбой с голодом и холодом на бытовом уровне. В ходе межличностного взаимодействия сельский локус обогащался новыми культурно-бытовыми преимуществами [Щеглова, 2015, с. 46–50]. Старожилы оценивали так: «Они работающие люди. Немцы научили сцикатурить [русская старожильческая культура не знала штукатурки]» [Там же, Привалова А.И., 1913 г.р.]. В условиях ухудшения жилищного обустройства русское население, в том числе под влиянием депортантов, повсеместно переходило на подручные строительные материалы (глина, солома, камыш, чаша) с традицией штукатурить («мазать») стены снаружи и изнутри. С этого времени штукатурка распространилась и на старожильческие срубные дома [Щеглова, 2016b].

Что касается армян, то их депортация в 1949 г. проходила «по типу тех, что были осуществлены в годы войны» [Аблажей, 2011b, с. 116], но в иной атмосфере. В принимающем алтайском социуме уже не было того отторжения и настороженности, какие присутствовали при размещении в 1941 г. депортированных немцев. Прибывшие в соответствии с постановлением Совета министров № 2214–356 сс в 1949 г. на Алтай 16 тыс. армян были рассредоточены по 37 районам края группами от 500 до 1300 чел., т.е. небольшими группами внутри принимающе-

го социума. Широкий охват сельских районов способствовал массовым этнокультурным контактам и сохранению исторической памяти о депортированных армянах.

Одновременно с армянами (постановление Совета министров СССР от 6 апреля 1949 г. № 1290-467 сс) в крае расселялся молдавский спецконтингент. Полевые исследования показывают: вопреки утверждению исследователей, что «спецпереселенцы из Молдавии практически не вселялись в районы расселения армян» [Аблажей, 2011b, с. 120], в устных свидетельствах встречаются воспоминания об армянах и молдаванах в одном селе. Лидерами по приему армян были западная переселенческая полиэтническая зона: Славгородский район — 1479 чел. (321 семья) и соседний Бурлинский район — 1313 чел. (30 семей), а также юго-западный переселенческий Угловский район — 1325 чел. (302 семьи). В статье рассматриваются межэтнические контакты при размещении армян в восточных районах Алтая с преобладанием старожильческого русского населения. Лидером в этих районах являлось Причумышье — зона массовых лесозаготовок: Сорокинский район — 1470 армян, 305 семей; Залесовский — 493, 145. Бийское Приобье было районом развитого сельского хозяйства: Бийский и Зональный районы — 490 чел., 125 семей. Жители этих территорий хорошо помнят о ссыльных армянах. Их память об армянах отличается от памяти самих армян.

В устной истории депортации армян акцентируется, что виновными власть сделала семью («от мало до велика»). Действительно, «юридическое новаторство» советской власти состояло во внедрении принципа семейственности в репрессивную политику, от раскулачивания до депортаций. Поэтому для депортированных народов, в том числе армян, на первый план выходили проблемы выживания семьи и унижения, которым пришлось подвергнуться. Они рассказывают о депортации как об обособленном историческом событии. Рассказчики же из числа местных жителей вплетают историю депортированных армян в повседневную жизнь послевоенной алтайской деревни, акцентируя внимание на культурно-бытовых отличиях. Для них история депортаций является частью жизни села, и они обращают внимание на то новое, что появилось в их селе с депортированными. Такая особенность отражает законы развития памяти, ее избирательность в соответствии с внутренними ощущениями человека. Ощущения депортированных и местных не совпадали. Для депортированных переселение — это травма, обусловленная сменой привычной социокультурной среды и определенного уклада жизни. Вынужденная смена среды обитания влекла за собой и значительные изменения в мироощущении, традиционных формах поведения и общения, способствовала существенным структурным трансформациям в сознании. Для местных характерна более бытовая оценка.

Материалы интервью о «переселенцах с Кавказа» показывают, что отношения между местными и пришлыми определялись межличностными контактами в трудовой и бытовой сферах. Они способствовали и единению, и разобщению. Определенное значение в формировании этнокультурного образа поселенцев имели особенности обустройства спецпереселенцев и их включение в деревенскую трудовую повседневную жизнь. По ходу совместного проживания характер взаимоотношений менялся, отражая эволюцию настроений и социального поведения. Факторами сплочения этнически разнородной, политически дифференцированной человеческой массы алтайской деревни являлись такие универсальные ценности, как трудолюбие, добросовестность, отношение к труду. В интервью об армянах маркируются такие объединяющие социокультурные предпочтения, как «работящие», «работали хорошо», «плохого никому, ничего не делали», «честные, добросовестные». Значительным преимуществом вынужденных мигрантов в алтайской деревне являлось образование, в том числе профессиональное. В аграрном крае существовала огромная потребность в специалистах и образованных людях. Именно поэтому процедура постановки армян на учет в районных и поселковых спецкомендатурах предусматривала выявление не только национального или половозрастного состава, но и «специалистов» для последующего использования их в народном хозяйстве [Аблажей, 2011a, с. 50]. С этой целью комиссия под руководством начальника Алтайского УМВД Федорова и отдел спецпоселений УМВД края при решении вопросов размещения армян привлекали сотрудников здравоотдела и крайпотребсоюза [Аблажей, 2011b, с. 120].

При размещении армян в Бийской зоне главным аргументом стало выращивание сахарной свеклы. Еще в 1930-е гг. в СССР была поставлена задача обеспечить население страны сахаром собственного производства. Алтай вошел в группу регионов с благоприятными для свекловодства условиями. Перед войной для становления свекловодства были свезены со всей Сибири спецпоселенцы и раскулаченные из регионов свекловичного и сахарного производства,

Принимающий алтайский социум и депортированные армяне...

преимущественно с Левобережной Украины и из Новороссии. Они были расселены в создаваемых новых населенных пунктах Бийской зоны. В них в 1949 г. подселили и армян (Восход, Луговское, Урожайный, Первомайский и др.) для обслуживания посадок свеклы, которую поставляли на два ближайших завода по производству сахара в Быстром Истоке и Бийске.

Первоначально на Алтае армяне оказались задействованы преимущественно в аграрном производстве, где катастрофически не хватало мужской рабочей силы. Н.П. Гурова (п. Восход) вспоминает, что с ними на полях «армяне работали» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ, Гурова Н.П., 1931 г.р.]. Армяне достаточно легко вливались в трудовые коллективы. Однако со временем, оценив традиционные строительные традиции армян, их стали использовать в строительстве производственных и жилых объектов. В массовой исторической памяти населения Алтая армяне остались прежде всего как хорошие строители.

Межэтническому сближению способствовало приселение армянских спецпереселенцев к русским. Официально обеспечение жильем и трудоустройство переселенцев определялось политикой местных властей. Рекомендовалось селить в здания учреждений, в пустые дома. Но на практике первоначально преобладали подселения. М.Д. Кожемякина рассказывала: «вместе жили. Армяне на квартирах у русских» [Там же, М.Д. Кожемякина, 1932 г.р.]. По свидетельствам информаторов из местных жителей, желания хозяев при подселении не спрашивали: «Я домой прихожу, а у нас семеро ребятшек, да их двое. У нас жили на квартире года два. Они в одной комнате, мы в другой. Их привезли, и все! Нас и дома никого не было. Сгрузили и сказали, пусть они здесь живут» [Там же, Новоскольцев И.Г., 1925 г.р.]. В послевоенное время это способствовало сближению русских с армянами (в отличие от депортаций начала 40-х гг., когда вселение немцев в крестьянские дома воспринималось по-разному [Щеглова, 2012, с. 155–159]). Так же как и смешанное с местными размещение депортированных в бараках, с которых начинала формироваться поселенческая инфраструктура новых советских поселков. В п. Восход Зонального района бараки находились в центре села. А.И. Горбатова рассказывала, что «там, где контора, барак был, где немцы жили, армяне,— длинный, сделанный» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ, Горбатова А.М., 1930 г.р.].

Со временем депортанты стали строиться на окраинах поселений, формируя в русских селах этнические края. В устных свидетельствах повсеместно подчеркивается, что землянки, саманки, бараки депортированных находились за определенной чертой оседлости русских старожилов. С одной стороны, это было объективно, поскольку строились на свободном месте, с другой — в этом проявлялась определенная тяга к консолидации в иноэтнической среде. Так, в Урожайном «армяне жили на той стороне лога. Пруд, по той стороне жили все. Армяне жили. Молдаване отдельно жили. Русские тоже жили. Вместе же не будем жить с ними. Каждая семья к своей кучке. Скажем, армяне там. Там, молдаване. Тама калмыки строились себе» [Там же, Кожемякин В.Г., 1931 г.р.; Чепурных Т.А., 1926 г.р.]. Закреплению консолидации в период расселения, как между поселениями, так и внутри сел, способствовала и устойчивость национальной бытовой и праздничной культуры. Об этом хорошо помнят старожилы: «армяне свои круга танцевали, молдаване свои, а калмыки ходили по защитке».

Самым распространенным способом сооружения жилья в то время, по рассказам очевидцев, стали землянки из дерна с углублением в землю, затем саманные, литые и каркасные дома с использованием соломы и глины. Армяне на Алтае, благодаря этническим традициям глинобитного строительства, массово приступили к возведению саманных домов. Т.А. Чепурных рассказывала об армянах: «их почему-то на ту сторону вывезли, они там строились. Они делали дома сами: ямы выкапывали: туда солому, глину топтали. Саманные дома» [Там же, Чепурных Т.А., 1926 г.р.]. М.Д. Кожемякин так и говорит: «Армяне это выдумали, такое строительство (саманное). Саман делали из соломы и глины. С обеих сторон обмажут, выбелят» [Там же, Кожемякин В.Г., 1931 г.р.]. Важным фактором консолидации принимающего алтайского социума и депортированных армян стал обмен трудовым опытом обустройства жилой среды.

Материалы интервью показывают, что в повседневных и бытовых взаимоотношениях местных и ссыльных этнокультурный фактор имел большое значение. И те, и другие респонденты отмечают сходство и различия, непривлекательные и положительные черты в поведении и бытовой культуре. В выстраивании отношений и этноконсолидации высланных и местных важны были знание русского языка и близость хозяйственно-культурных традиций. Язык явился и адаптационным фактором. Младшее и среднее поколения довольно быстро переходили на общение на русском языке, для старшего поколения это оказалось невозможным. В таком случае

национальный язык, как и некоторые другие этнические константы, становились этнодифференцирующим фактором. Незнание и непонимание поведения, семейных и бытовых традиций выступали непреодолимой преградой, способствовали формированию негативного образа или приводили к формированию искаженных стереотипов.

Так, представление о сравнительном достатке депортированных армян основывалось на незнании их традиций обустройства жилища. Например, информаторы Зонального района считали армян богатыми по сравнению с местными крестьянами, потому что они привезли с собой ковры и использовали их в жилищном обустройстве. В алтайской деревне ковры, незнакомые старожильской крестьянской культуре, являлись роскошью, признаком материального достатка колхозного крестьянства в советское время. Согласно же национальной армянской традиции ковер — неотъемлемая часть жилищной культуры, символ, свидетельствующий о благополучии семьи. П.Н. Гурова рассуждала так: «Бедно немцы приехали — вот как мы тут были, так вот они в таком виде, никакого богатства. А вот у армян были ковры» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ, Гурова Н.П., 1931 г.р.].

В этом проявилась и разница в условиях ссылки. В отличие от немцев, армянам давалось время на то, чтобы собраться, устанавливалась более высокая норма вывозимых вещей. Поэтому армяне, так же как, например, латыши и поляки, имели возможность вывозить этнически окрашенные вещи, тем самым маркируя свои этнокультурные отличия. Это, с одной стороны, способствовало сохранности исторической памяти о них, с другой — формировало полосу отчуждения, например с поляками в Чарышском районе. Как говорят информанты, «ну о поляках вообще особый разговор. Они были либо музыкантами, либо просто все такие музыкальные. У них в клубе оркестр был — скрипка и мандолина. Они держались обособленно. Женщины такие нарядные, красивые, ухоженные, мужчины очень чисто одевались, у них эти тройки были. С собой привезли все. Они держались особняком. Тут ни с кем не знакомились» [Там же, Хроменко Н.В., 1947 г.р.].

В целом акцентуация устной истории на процессах, происходящих в алтайской деревне, изменяет представления о значении депортации в развитии сибирских территорий. Исследование депортаций с позиции принимающей стороны позволяет говорить о положительных последствиях для крестьянского общества в повседневном обустройстве и бытовой культуре. В определенной степени это было связано не только с этнокультурными различиями, но и с иным уровнем материально-технического развития регионов выселения. Респондентами из принимающего социума эти преимущества воспринимались так: «культурнее нас были, что ли». На самом деле слово «культурнее» относилось в том числе к достижениям цивилизации. Одна из депортированных немок описывала разницу между алтайской деревней и своей: «Там [в Поволжье] было большое село, электричество было, люди там лучше жили, чем здесь, в Сибири. Мама стряпала хлеб для колхоза, а отец работал бригадиром на животноводстве. Приехали. Нас расселили по семьям, там темнота была. У нас-то уже электричество было. У них “коптюшечки” были. Мама сидит, плачет, бабушка плачет, нас стали угощать капустой, картошкой в мундире. У них мы жили лет пять» [Алтайская деревня..., 2012, с. 147–148]. Алтайские респонденты тоже говорят о разных возможностях: «Мы часто сидели вечерами, учили уроки у печи. Разжигали лучины и с таким огоньком готовились к урокам. Эрик [немец] это увидел и стал приходить к нам с керосиновой лампой» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ, с. 69].

Но, в отличие от достижений цивилизации, иноэтнические традиции, особенно связанные с культурой жизнеобеспечения, быстрее проникали в бытовую культуру русских старожилов. Так, с немцами местные связывают традиции коптить и солить сало, распространение восьмигранных маслобоек, использование сепараторов, традиции штукатурить стены [Щеглова, 2016, с. 308–312], а с армянами — саманное и глинобитное строительство, нетрадиционное для русских старожилов, а также распространение в бытовой культуре ковров.

Отмена режима ссылки в 1955–1956 гг. привела к массовому выезду армян на родину. По переписи 1959 г., на Алтае осталось всего 1,6 тыс. армян [Аблажей, 2011а, с. 53]. У местных респондентов отъезд этнических депортантов не вызвал вопросов. Они констатируют, связывая события с Хрущевым: «делал как свободу, вроде всем, своей властью, что все должны на своих местах быть, где они жили. Литовцы, поляки, тех как... [реабилитировали], все отсюда уехали. Все были, и евреи были. Калмык — это Сталин, ну репрессировали их. Там, эти, кто они? Молдаване. А потом им разрешили выйти на свободу. Когда им разрешили уехать, и все они на свое поселение уехали. Он как сказал: допустим, ты — армян должен свое государство иметь. Они обратно ушли» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ, Макрушин М.В., 1930 г.р.].

Принимающий алтайский социум и депортированные армяне...

Таким образом, в ходе повседневного и трудового взаимодействия прибывших спецпереселенцев и принимающего социума происходил обмен культурными навыками. Однако этот культурный взаимообмен в алтайской деревне еще остается без внимания исследователей. Рассмотрение этих аспектов депортаций возможно только с опорой на историческую память, которая высвечивает особенности развития локальных сообществ под влиянием «культурных новаций» депортантов. В большей степени оказались востребованы те элементы традиционных этнических культур, которые помогали пережить ухудшение условий жизнедеятельности сельской семьи в 1930–1950-е г., вызванное репрессиями, раскрестьяниванием, ликвидацией семейного хозяйства, войной. Среди них опыт строительства жилища из подручных средств взамен традиционного срубного строительства. Новации появились в системе питания, одежде, средствах внутреннего обустройства жилища, освещении, отоплении жилища и т.д. В отличие от них элементы духовной культуры были замечены, но не востребованы русскими старожилами. На совместных вечерах продолжали танцевать «каждый своими кругами». Однако дополнение досуга народными традициями песнопения, танцев, игр стало своеобразной формой адаптации к межэтническому разлому травмированных репрессиями и войной локальных социумов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ. Немецкий национальный район, с. Полевое. Функлер А.А., 1916 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 1993. Смоленский район, с. Линево. Дробышев Я.В., 1922 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 1993. Смоленский район, с. Верх-Обское. Ануфриев И.С., 1923 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 1993. Смоленский район, с. Точильное. Привалова А.И., 1913 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2002. Зональный район, п. Урожайный. Кожемякин В.Г., 1931 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2002. Зональный район, п. Урожайный. Кожемякина М.Д., 1932 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2002. Зональный район, п. Урожайный. Чепурных Т.А., 1926 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2002. Зональный район, п. Восход. Гурова Н.П., 1931 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2002. Зональный район, п. Восход. Горбатова А.М., 1930 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2002. Зональный район, с. Соколово. Макрушин М.В., 1930 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003. Бийский район, с. Первомайское. Епихин И.П., 1927 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003. Бийский район, с. Малоенисейское. Кузовлева О.Е., 1919 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003. Бийский район, с. Новиково. Емельянова Н.Ф., 1927 г.р.; Золотухина П.Д., 1919 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003. Бийский район, с. Сростки. Новоскольцев И.Г., 1925 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004. Чарышский район, с. Красный Партизан. Хроменко Н.В., 1947 г.р.

Литература

- V конгресс этнографов и антропологов России. Омск. 9–12 июня 2003 г.: Тез. докл. М., 2003. 380 с.
- VIII Конгресс этнографов и антропологов России. Оренбург, 1–5 июля 2009 г.: Тез. докл. Оренбург, 2009. 600 с.
- XI Конгресс антропологов и этнологов России. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.: Сб. материалов. М.: ИЭА РАН; Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2015. 504 с.
- Аблажей Н.Н. Депортация армян в Алтайский край в 1949 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011а. № 1. С. 47–53.
- Аблажей Н.Н. Репатриация и депортация армян во второй половине 1940-х годов // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2011б. Т. 10. Вып. 1. С. 116–121.

Алтайская деревня в рассказах ее жителей / Под науч. ред. Т.К. Щегловой, Л.М. Дмитриевой. Барнаул: Алтайский дом печати, 2012. 447 с.

Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.): Сравнительный анализ // Наказанный народ: Репрессии против российских немцев. М.: Звенья, 1999. С. 95–117.

Бугай Н.Ф. Депортация народов в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1996.

Полян П.М. Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001. 328 с

Ремпель П.Б. Депортация немцев из Европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941–1944 гг. // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С. 69–97.

Сыщенко А.Г. Немцы в Сибири: По документам НКВД, МГБ, МВД СССР 1943–1956 гг. Барнаул: Алтайский дом печати, 2007. 623 с.

Щеглова Т.К. «Свой» и «чужой»: Взаимоотношения местного населения и российских немцев на Алтае в контексте государственной политики формирования и использования образа врага в период депортаций // Российские немцы. От истоков к современности: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 250-летию Манифеста рос. императрицы Екатерины II и начала массового переселения немцев в Россию, 75-летию Алт. края, 70-летию со времени мобилизации советских немцев в трудармию. Барнаул, 10–11 нояб. 2012 г. Барнаул: Алтайский краевой российско-немецкий дом, 2012. С. 155–165.

Щеглова Т.К. Становление устной истории за рубежом: К вопросу о новых возможностях региональных исследований, локальной истории и краеведческой работы // Краеведческие чтения, посвященные 80-летию С.Е. Черных: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск: ВКПК Арго, 2014. С. 212–220.

Щеглова Т.К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: Культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны: Научные и методические материалы. Барнаул: Азбука, 2015. 132 с.

Щеглова Т.К. Краеведение, музееведение и устная история — источники, методы и формы взаимодействия в отечественной практике в контексте государственной политики в XX — начале XXI века // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах — важнейшие факторы стабильного развития России. Омск: Наука, 2016а. С. 308–312.

Щеглова Т.К. Традиции и новации в обустройстве жилой среды русского населения юга Западной Сибири в контексте исторического развития (1860–1980-е гг.) // Традиционная культура. 2016b. № 1. С. 164–174.

Щеглова Т.К., Демин М.А. Депортации народов и репрессии на Алтае // Западная Сибирь: Проблемы региональной культурологии: Тез. докл. рабочего совещ. по межвуз. регион. науч.-практ. программе. Томск, 1992. С. 119–120.

T.K. Shcheglova

Altai State Pedagogical University
Molodezhnaya st., 55, Barnaul, 656031, Russian Federation
E-mail: tk_altai@mail.ru

HOST ALTAI SOCIETY AND DEPORTED ARMENIANS IN THE CONTEXT OF PERMANENT REPRESSIONS AND DEPORTATIONS IN THE 1930–1940s: IMAGES AND CULTURAL INTERACTION

The aim of the article is to study the influence of ethnical deportations on the rural population of Altai Krai by using oral history as a method and source of ethnographic research on the example of the 1949 Armenian deportation campaign. It is asserted that the study of nations and cultures in the context of global historical processes of the XX–XXI centuries requires new approaches. The techniques of oral history which deal with historical memory are one of the ways of studying anthropological contents of historical processes. The main sources of the article are the materials of field research on the territory of Altai Krai. The research focuses on host, mainly Russian population in the context of permanent ethnical deportations of the 1940s. It is mentioned that the population of the Altai countryside became multiethnic in quite a short period of time which was related to resettlement of families and small groups of deported nations all over the territory of the region. It led to cooperative living and common experience in overcoming war period difficulties, basing on life support culture. The article compares attitudes of local population towards different waves of ethnical migrants (Germans, Armenians, Moldavians, Polish and the others), it analyses the images formed and interethnic interaction. The article identifies commitment of the deported population to consolidation with reclamation of the outskirts of the settlements and preservation of song, dance and holiday traditions. A conclusion is made about the influence of the deported population on the host society, the changes which took place in cultural, social and manufacturing spheres of the Altai countryside are described. It is pointed out that cultural exchange in difficult living conditions firstly took place in the material

sphere and was connected with such basic components of life support culture as dwelling and food. As a result, ethnocultural skills of the deported population encouraged interethnic consent.

Key words: Oral history, Altai, deported nations, Russian rural population, interethnic interaction, ethnocultural influence.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-137-145

REFERENCES

- Ablazhei N.N., 2011. Deportatsiia armian v Altaiskii krai v 1949 g. [Deportation of Armenians to Altai Krai in 1949]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 1, pp. 47–53.
- Ablazhei N.N., 2011. Repatriatsiia i deportatsiia armian vo vtoroi polovine 1940-kh godov [Repatriation and deportation of Armenians in the second half of the 1940s]. *Vestnik NGU, Seriya Istorii, filologiya*, vol. 10, 1, pp. 116–121.
- Brul' V., 1999. Deportirovannye narody v Sibiri (1935–1965 gg.): Sravnitel'nyi analiz. [Deported peoples in Siberia (1935–1965): A comparative analysis] *Nakazannyi narod: Repressii protiv rossiiskikh nemtsev*, Moscow: Zven'ia, pp. 95–117.
- Bugai N.F., 1996. *Deportatsiia narodov v Sovetskom Soiuz* [Deportation of peoples in the Soviet Union], New York.
- Polian P.M., 2001. «Ne po svoei vole...»: Istorii i geografiia prinuditel'nykh migratsii v SSSR [«Against their will»: History and geography of forced migrations in the USSR], Moscow: OGI-Memorial, 328 p.
- Rempel' P.B., 1996. Deportatsiia nemtsev iz Evropeiskoi chasti SSSR i trudarmii po «sovershenno sekretnym» dokumentam NKVD SSSR 1941–1944 gg. [Deportation of Germans from the European part of the USSR and the labor army basing on «top secret» documents of the NKVD of the USSR of 1941–1944]. *Rossiiskie nemtsy: Problemy istorii, iazyka i sovremennogo polozheniia*, Moscow, pp. 69–97.
- Shcheglova T.K., 2012. «Svoi» i «chuzhoi»: Vzaimootnosheniia mestnogo naseleniia i rossiiskikh nemtsev na Altae v kontekste gosudarstvennoi politiki formirovaniia i ispol'zovaniia obraza vruga v period deportatsii [«Friends» and «strangers»: Relationship between the local population and the Russian Germans in Altai region in the context of state policy of formation and use of the image of enemy during deportations]. *Rossiiskie nemtsy: Ot istokov k sovremennosti: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakt. konf., posviashchennoi 250-letiiu Manifesta ros. imperatritsy Ekateriny II i nachala massovogo pereseleniia nemtsev v Rossiiu, 75-letiiu Alt. kraia, 70-letiiu so vremeni mobilizatsii sovetskikh nemtsev v trudarmiiu, g. Barnaul, 10–11 noiabria 2012 g.*, Barnaul: Altaiskii kraevoi rossiisko-nemetskii dom, pp. 155–165.
- Shcheglova T.K., 2014. Stanovlenie ustnoi istorii za rubezhom: K voprosu o novykh vozmozhnostiakh regional'nykh issledovaniia, lokal'noi istorii i kraevedcheskoi raboty [Formation of Oral history abroad: Revisiting new possibilities of regional research and local history]. *Kraevedcheskie chteniia, posviashchennye 80-letiiu S.E. Chernykh: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ust'-Kamenogorsk: VKPK Argo*, pp. 212–220.
- Shcheglova T.K., 2012, (ed.). *Altaiskaia derevnia v rasskazakh ee zhitelei* [Altai village in the stories of its inhabitants], Barnaul: Altaiskii Dom pečati, 447 p.
- Shcheglova T.K., 2015. *Etnografiia russkogo krest'ianstva iuga Zapadnoi Sibiri v XX stoletii: Kul'tura zhizneobespecheniia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: Nauchnye i metodicheskie materialy* [Ethnography of the Russian peasantry in the South of Western Siberia in the XX century: Life support culture during the Great Patriotic War: Scientific and methodical materials], Barnaul: Azbuka, 132 p.
- Shcheglova T.K., 2016. Kraevedenie, muzevedenie i ustnaia istoriia — istochniki, metody i formy vzaimodeistviia v otechestvennoi praktike v kontekste gosudarstvennoi politiki v XX — nachale XXI veka [Local history, museology and oral history: sources, methods and forms of interaction in Russian practice in the context of the state policy in the XX — beginning of the XXI century]. *Kul'tura i vzaimodeistvie narodov v muzeinykh, nauchnykh i obrazovatel'nykh protsessakh — vazhneishie faktory stabil'nogo razvitiia Rossii*, Omsk: Nauka, pp. 308–312.
- Shcheglova T.K., 2016. Traditsii i novatsii v obustroistve zhiloi sredy russkogo naseleniia iuga Zapadnoi Sibiri v kontekste istoricheskogo razvitiia (1860–1980-egg.) [Traditions and innovations in arrangement of the living environment of the Russian population in the South of Western Siberia in the context of historical development (1860–1980s)]. *Traditsionnaia kul'tura*, no. 1, pp. 164–174.
- Shcheglova T.K., Demin M.A., 1992. Deportatsii narodov i repressii na Altae [Deportations of nations and repressions in Altai region]. *Zapadnaia Sibir': Problemy regional'noi kul'turologii: Tezisy dokladov rabochego soveshchaniia po mezhvuzovskoi regional'noi nauchno-prakticheskoi programme*, Tomsk, pp. 119–120.
- Syshchenko A.G., 2007. *Nemtsy v Sibiri: Po dokumentam NKVD, MGB, MVD SSSR 1943–1956 gg.* [Germans in Siberia: Basing on the 1943–1956 documents of the NKVD, the MGB, the Ministry of Interior of the USSR], Barnaul: Altaiskii Dom pečati, 623 p.
- Tishkov V.A., 2009, (ed.). *VIII Kongress etnografov i antropologov Rossii: Tezisy dokladov* [Abstracts of the VIII Congress of ethnographers and anthropologists of Russia: Abstracts], Orenburg, 1–5 iuliia 2009 g., Orenburg: Izdatel'skii tsentr OGAI, 600 p.
- Tishkov V.A., Golovnev A.V., 2015, (ed.). *XI Kongress antropologov i etnologov Rossii: Sb. materialov* [Abstracts of the XI Congress of ethnographers and anthropologists of Russia], Ekaterinburg, 2–5 iuliia 2015 g. Moscow: IEA RAN; Ekaterinburg: IIA UrO RAN, 504 p.